

КРИС
ВУКЛИСЕВИЧ

ЧАЕПИТИЕ
С ПРИЗРАКАМИ

Перевод
Екатерины Лобковой,
Елены Музыкантовой

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

роман

МИФ

Не верьте тому, что видите. Вы видите чушь.

Нет, верьте тому, на что смотрите.

И я не призываю посмотреть восьмичасовые новости или проверить, осталось ли молоко в холодильнике. Я прошу смотреть тем, что таится в глубине глаз, тем, из чего рождаются идеи, истории и любовь к скалам и ветру.

В самом деле, нельзя верить всему, что видишь.

Взять, например, хозяйку за кассой. Кто ее видит, думает: ведьма. Что ж, здесь я с вами соглашусь: трудно быть более похожей на ведьму. Еще бы красное яблоко сюда — и можно подумать, что угодил в сказку про Белоснежку. Но на самом деле, когда узнаёшь эту женщину ближе, оказывается, что она не так уж плоха... В сущности, это самый приятный человек в Ницце. Впрочем, я стараюсь не говорить об этом слишком громко: если она услышит, выгонит меня из чайной.

Так что да, стулья кажутся пустыми. Но присмотритесь повнимательнее.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Неужели вы думаете, что чайники поднимаются и опускаются сами? А чай исчезает из чашек сам собой, за счет испарения? Да ладно. Давайте серьезно.

Конечно же это призраки. Призраки Ниццы наливают себе чай и пьют.

Теперь вы понимаете, почему хозяйка посадила вас со мной: ее чайная никогда не пустует. Живые занимают места, покинутые мертвыми. Таково правило.

Но давайте начистоту. Что заставило вас приехать в Ниццу в это время года? Неудивительно, что вы промокли до нитки. Право слово, с вас течет, как с сэндвича панбанья. Наверняка в вашем путеводителе не указано, что во время Каннского фестиваля всегда льет как из ведра. Тем, кто приезжает на курорт, это, конечно, не по вкусу. Если бы автор вашей книжицы спросил меня, ему пришлось бы написать, что небо здесь ревнует людей, которые смотрят на него реже, чем на ковровую дорожку. Именно поэтому каждый год оно устраивает нам выволочку.

Каждый имеет то небо, которого заслуживает, как же иначе.

Что ж, по крайней мере, вы пришли в правильное место. Дождливые дни в Ницце лучше проводить здесь, чем где-либо еще, — это я вам точно говорю. Во всяком случае, я чувствую себя как пирог, который подрумянивается в духовке. Кресло с мягкой спинкой, безмятежные призраки вокруг, капли стучат по стеклу, стопки чайников, водруженных друг на друга, а с той стороны, если протереть запотевшее окно, изволите видеть — улица Кур-Салея. Бьющееся сердце Старой Ниццы. Сейчас

оно мокрое насквозь, но все равно прекрасное. А представьте его в хорошую погоду, когда под полосатыми зонтиками продают цветы. Надеюсь, вам выпадет хотя бы один солнечный день, чтобы вы смогли почувствовать горечь георгинов и зеленое благоухание прудов.

Не знаете, что выбрать? Лично я рекомендую странночай из долины Маски, но здесь все чаи превосходны — они ведь местные. Например, чай из долины Чудес, что в двух часах пути отсюда. Как так — никогда о ней не слышали? Дайте сюда свой путеводитель. Посмотрим. Что-что? «Неизбитые тропы: опытный проводник по потаенным уголкам»? Смешно. Никуда вас этот проводник не приведет, если хотите знать мое мнение. Таких проводников пучок за пятачок.

Жаль вас, правда. Стоило мне увидеть, как вы входите — на спине рюкзак, на рюкзаке фляга, — как стало ясно: вот человек, который любит секреты. Настоящие. Не те, которые печатают в рубрике «Знаете ли вы», чтобы отдыхающие просвещались, загорая. Нет, по вам видно, что вы предпочли бы отправиться на поиски настоящей тайны, а не гоняться за ребенком в нарукавниках по раскаленной гальке.

Если ищете необычное, могу вам кое-что предложить. Как насчет того, чтобы посетить подлинные останки проклятой деревни? Эта тайна автору вашего путеводителя и не снилась, настолько она таинственна.

Но учтите: лишь немногие из живых знают об этой экскурсии. Я, те, кто прочел мой отчет в архивах, и ведьма за стойкой. Не так уж много. И не болтайте об этом,

ладно? Не хотелось бы через три месяца подняться туда и обнаружить магазинчик, где продаются брелоки с надписью: «Я люблю Бегума».

Хорошо.

Итак, чтобы туда попасть, придется забраться в глушь. Не волнуйтесь, вы сможете посмотреть Ниццу позже. Она стоит на этом месте уже две тысячи лет и никуда не денется. Успеете подняться на Замковую гору, пройти по Английской набережной, съесть в кафе «Феноккио» мороженое с джандуйей*, пирог с мангольдом** и любую другую ерунду, которую вам захочется. Но сначала отправляйтесь в глушь.

Если вам удастся преодолеть пробки и съехать с автострады, сохранив голову на плечах, сперва возблагодарите небеса, а затем проезжайте по мосту через Везюби. Не заметить мост невозможно — словно великанша сбросила корсаж с красными шнурками. После моста поднимайтесь в горы. Двигайтесь вдоль Везюби, петляющей по ущелью.

Сначала тропа будет красивой, широкой и спокойной.

Наслаждайтесь.

Вскоре уровень реки понижается, а ущелье сужается. Поток несется по дну пропасти, усыпанному ржавыми

* Джандуйя — шоколадная паста, на треть состоящая из молодых лесных орехов. *Прим. ред.*

** Мангольд — подвид свеклы. *Прим. ред.*

остовами и стволами деревьев, расщепленных бурей. Лишь тонкие сетки удерживают камни, которые грозят сорваться со стен ущелья.

Кастаньер. Ютель. Ле-Коломбье. Лантоск.

Дальше начинаются селения, названий которых на побережье не знают. Но разумеется, их помним мы в архивах — и мажордом-картограф, которому ведомы каждый тупик, каждое урочище, шаг ежей, бегущих по траве, и даже треск скорлупок, раскалываемых птенцами.

Ла-Боллен-Везюби. Гордолон.

Рокбийер.

Почти сто лет окна в зданиях Рокбийер-Вьё заложены камнями, а по стенам змеятся трещины шире моей ладони. Брошенные деревни встречаются по всей долине, потому что гора иногда встряхивается, словно пробудившись от дурного сна, и Везюби, чтобы ее утешить, поглощает местечко-другое.

Например, жители Рокка-Спарвьера веками страдали от чумы, саранчи и подземных толчков; в конце концов они ушли. Кажется, там бродит призрак королевы Джованны, графини Прованской, которая убила мужа и съела рагу из собственных детей.

Не могу это подтвердить, мне не доводилось там бывать.

Землетрясение не обошло стороной и Турнефор. Это было сто пятьдесят лет назад. Сегодня там остались лишь руины замка, поросшие смолевкой и дикой лавандой.

Рокбийер — другое дело. Люди там жили упрямые, цеплялись за свое место крепче клещей. Им, как и остальным, досталось от оползней и наводнений, но они не сдавались. Шесть раз перебирались на новое место и отстраивали деревню. Шесть раз поднимались и спускались по склонам долины, устраиваясь то на одной стороне ущелья, то на другой. Старое название Рокабьера превратилось в Рокбийер; одни умирали, другие рождались; река гнала их прочь — и люди отходили еще немного.

Может быть, они думают: со временем Везуби поймет, что от нас не избавиться, что мы еще упорнее, чем она, и перестанет на нас обрушиваться. Мы ее измотаем. Может быть. На самом деле на каком-то подсознательном уровне они всегда готовы собрать вещи. Краем уха рокбийерцы постоянно слушают, не раздастся ли грохот со дна ущелья.

Но я веду вас не туда. Поднимайтесь выше, в самую потаенную деревню-призрак той местности — Бегума.

На выходе из Рокбийер-Вьё заверните за скалу. Увидите засохший букет и тусклую фотографию ребенка — и то и другое выцвело на солнце. Такое напоминание заставляет лихачей снизить скорость вернее, чем радар.

По мере подъема дорога сужается еще больше. Теперь это всего лишь колея. Длинная, ухабистая, расхолаживающая даже любопытных, не говоря уж о тех, в ком любопытства недостаточно. В конце, в самом конце, когда колея исчезнет, нужно оставить машину и идти по тропинке для мулов. Вы окажетесь в долине Чудес.

Но подождите, не спешите радоваться.

Чудесами здесь называют вещи не столько очаровательные, сколько странные. Ощущение, что кто-то идет позади. Рябь на озере Дрожи, которая появляется, даже когда ветра нет. Грозу среди ясного неба, которая разражается, когда вы проходите долиной Маски. Спираль, вырезанную на перевале Коль-дю-Дьябль, которая старше этого мира и всех предшествующих миров и завораживает настолько, что немудрено забыть дорогу назад.

Поднимитесь на гору Мон-Бего. Пересеките засушливые склоны и дремучие леса. Если вас бросит в дрожь, это нормально. В тени горы растут лиственницы, а камни холодны.

После двух часов пути вы наконец увидите руины деревушки, которые отражаются в черном озере. Это Бегума. Заброшенная после странных событий, произошедших почти семьдесят лет назад, в ночь с 15 на 16 августа 1956 года.

Эпицентр тайны находится прямо над деревней, под каменными развалинами старой овчарни. Среди полуобрушившихся стен растет чабрец.

Когда-то здесь родились две сестры, которые охотились за призраками.

1940 год. Лето притворяется зимой.

Кармин, жена пастуха, должна была родить еще месяц назад. В тот день умер ее муж. Ни с того ни с сего. Сидел

за ужином и вдруг упал лицом на стол. Должно быть, два существа, растущие внутри Кармин, почувствовали это, потому что с тех пор они отказываются выходить наружу, а живот матери не перестает увеличиваться. Она уже не может встать, чтобы не накрениться вперед под тяжестью двух паразитов.

Нерожденные дети постоянно дерутся друг с другом.

Она не хотела близнецов, не хотела двойню. Один ребенок, только один, неважно, девочка или мальчик. Этого достаточно. Незачем даже думать о том, кто выйдет из ее чрева вторым. Она вовсе не мечтает о втором ребенке, одна мысль о нем приводит ее в ярость.

Если повезет, один из близнецов убьет другого еще до рождения.

Толчки начались уже на третьей неделе; слишком рано, по мнению повитухи Мирей. Раз в месяц та карабкалась к овчарне, расположенной высоко над деревней, и каждый раз уходила оттуда все более бледной. Внутри Кармин точно дикие кошки сцепились.

Когда срок пришел, повитуха надавила будущей матери на живот и напоила настоем трав, облегчающих роды. Тщетно. Мирей пообещала себе, что ногй ее больше не будет в доме этого отребья. От такой войны в кишках добра не жди. Ой не жди.

Если бы она знала, что через два часа после ее ухода отец детей испустит дух — вдобавок ко всему, — попросила бы приходского священника из Бельведера изгнать дьявола из овчарни.

Итак, уже десять месяцев Кармин просыпается по ночам оттого, что дети внутри у нее царапаются и обмениваются пощечинами. А недавно к этому добавились кошмары, не иначе как наваянные трупом пастуха, что лежит

за дверью, завернутый в простыню. С ее-то животом Кармин едва сил хватило его хотя бы за порог вытащить.

Теперь она то и дело видит, как муж разжигает огонь, сметает пепел и обтирает ей лоб. Кармин мечется в лихорадке и не может решить, пугают ее эти видения или успокаивают.

Деревеньку накрывает пелена. Дальше трех метров ни зги не видно. Повитуху мучит совесть. Уж она-то знает, что в такой день, когда туман окутал все вокруг, на свет появляются демоны. Но что ж теперь, бросать девицу рожать в одиночестве? Тем более что в тени Мон-Бего холодно даже в разгар лета.

Кармин уже воеет, когда Мирей переступает через смердящую простыню. Что под ней, она и знать не хочет. Крики успокаивают повитуху. Она в своей стихии. Кипятится вода, настаиваются травы, Кармин стоит на четвереньках. Необъятный живот растекся по матрасу.

Повитуха не успевает сказать «Тужься!», как между бедер матери появляется головка ребенка — и оп! — в мгновение ока тельце выскальзывает наружу, словно кусок мыла, и падает в руки Мирей.

Та ошеломленно молчит четыре секунды. Две из них она удивляется такой быстроте, неслыханной для нерожавшей женщины, а еще две размышляет, нормально ли, что ребенок такой... нормальный. Ни рогов, ни козлиного хвоста, ни змеинового языка. Потом повитуха встряхивается, кладет малышку — да, это девочка — перед матерью, накрывает новорожденную мягкой овчиной и возвращается к своей работе.

Первый ребенок должен был проложить путь второму. Но Кармин тужится, тужится, а второй все не выходит.

Она шепчет себе под нос всякую всячину: то подбадривает себя, то ругается, то вовсе бредит. Повитуха засовывает руку в ее лоно, разыскивая упряма... и, вскрикнув, выдергивает. На указательном пальце виден глубокий след от укуса.

Мирей — добрая женщина, но всему есть предел. С нее довольно. Она уже собирается уходить, когда Кармин издает вопль, который разносится по окрестностям, точно раскат грома. На следующий день будут говорить, что его слышали по всей долине.

Повитуха вздыхает, уже держась за ручку двери.

Она силой вливает в рот роженице настой лавра. Вытирает ей пот со лба. Говорит с ней то мягко, то грубо, подстраиваясь под схватки, требует дышать. Кармин цепляется за ее руку так, будто висит над пропастью. Бедняжка.

За стеной истошно блеют овцы.

Через час Мирей не выдерживает. Она садится на стул, слушая слабые стоны Кармин. Не вспарывать же матери живот, чтобы спасти злосчастного ребенка? У них ведь даже отца теперь нет, упокой Господь его душу, некому будет растить. Впрочем... Она может приготовить другой настой, из чабреца и зимолюбки. «Да, — думает Мирей, — так лучше всего. Первая девочка выглядит здоровой, матери хватит с ней хлопот. Тем хуже для второй. Ей придется уйти».

Но как только повитуха отворачивается, чтобы найти травы, вызывающие выкидыш, между ног Кармин появляется вторая головка.

Малышка осматривается. И убедившись, что ее никто не видит, вылезает из кокона плоти, переползает к изголовью кровати, проскальзывает под овчину и выпихивает старшую сестру. Та с криком падает на пол.

Повитуха оборачивается. Некоторое время молчит, потом пожимает плечами. Ее уже ничем не удивить. Она берет на руки новорожденную, которая выбралась наружу не иначе как чудом. Снова девочка, в точности похожая на первую. До странности похожая.

Повитуха кладет их рядом, чтобы сравнить. На самом деле, не так уж они похожи. У той, которую она только что подняла с пола, серые глаза и бледная кожа; у второй, которая уже устроилась под овчиной, волосы темные. Она сосет грудь матери, сомлевшей от изнеможения. Но вдруг Кармин вскидывается и кричит:

— Ай! Она меня укусила!

Мирей узнаёт во рту паршивки резец, который впился ей в палец. Она хватает чудовище и держит его на вытянутых руках, а оно барахтается и воет, показывая зуб.

Но кроме этого внезапного резца и необъяснимой перемены мест, в младшей нет ничего необычного. Розовая, полная жизни, беззащитная.

Повитуха качает головой. Надо перерезать пуповину, поскорее спуститься в деревню и никогда больше сюда не возвращаться. Здесь творятся вещи, которые ей не по уму, а она любит все простое. Мирей скармливает плаценту овцам.

Затем оmyвает детей, пеленает и кладет к груди. Старшая уже умеет нежно сосать; младшая, которая пыталась занять ее место, яростно пробивается к соску.

— Кармин, как соберешься с силами, спускайся в деревню. Ты не справишься одна с двумя грудничками и стадом.

Собираясь перешагнуть через вонючую кучу за дверью, Мирей кое-что вспоминает и спрашивает:

— Как ты их назовешь? Это для муниципального реестра.

Кармин снова вскидывается: вторая дочь опять ее укусила. Мать отталкивает малышку и отвечает:

— Эту — Агония. — Потом гладит вторую по голове. — А мою красавицу — Фелисите.

Повитуха молча кивает. Но когда она придет к мэру, чтобы записать имена новорожденных в большую тетрадь с кремовой бумагой, то скажет себе, что жизнь этого ребенка и так началась незavidно, незачем взваливать на девочку дополнительное бремя. Именно поэтому она поиграет с буквами и напишет под именем Фелисите:

Эгония

Дети выросли, овцы умерли. Кармин едва это заметила. Ей хватало забот с двумя дочерьми-чудовищами.

Фелисите раскладывала игрушки по порядку, раскрашивала рисунки, не выходя за контуры, лепетала сама себе, указывая в пустоту, и гладила невидимых зверушек. Славная, решила мать, но не от мира сего — чуточку безумица, чуточку фея.

Что до Агонии... Кармин сберегла одну овцу, чтобы выкормить ребенка. Иначе зуб девочки рвал бы ее грудь. Младшая сосала жадно и росла вдвое быстрее сестры.

На лугу за домом, где Кармин сушила ее пеленки, по ночам прорастали несуществующие растения. Цветы, которые внушали страх горе Мон-Бего: гигантские, слишком буйные, чтобы быть приличными, они захватывали землю и опутывали корнями расколотую старую скамейку. Их пестики, синие с искрой, колыхались, как водоросли, между челюстями цвета синяка и нефти.

Когда мимо пролетал воробей, челюсти клацали, смыкаясь, и воробей не успевал даже чирикнуть. Потом они раскрывались вновь — и свистели по-птичьи.

Вскоре чудовищные цветы заполонили луг за овчарней, а в окрестностях не осталось ни одной птицы.

Однако этот причудливый цветник не шел ни в какое сравнение с тем, что вырывалось изо рта девочки. Стоило Агонии залепетать или раскашляться, и остальным приходилось прятаться: она выплевывала бабочек. Казалось бы, ну что бабочки? Бабочки красивые, с цветными крылышками. Но насекомые, слетавшие с губ Агонии, были плотью от плоти Агонии. Ничем иным. Там, куда они садились, зеленый лес засыхал, волосы седели, а на лицах появлялись морщины.

Чтобы защитить себя, свой дом и старшую дочь, мать завязывала младшей рот.

Вскоре после родов Кармин купила овальное зеркальце в серебряной раме, подрамник с натянутым холстом, мольберт, две кисти и коробку с красками. Обирав оставшихся овец и детей, она вставала посреди хижины, глядясь в зеркало. Позже Фелисите рассказывала, что мать как будто искала что-то, невидимое в реальности и доступное лишь в отражении. Внимательно рассматривая себя, она вырисовывала на холсте очертания собственного лица, пружины локонов, запятые ресниц. Портрет казался заглубленным в холст и будто освещенным изнутри. Через несколько месяцев он словно ожил. Нарисованные глаза провожали взглядом всех, кто проходил мимо. Когда у Кармин спрашивали, почему она продолжает работать над картиной, которая давно закончена, та всякий раз отвечала, что портрет еще не совсем на нее похож. Что она

должна его приукрасить. Неизменными оставались только глаза в центре — золотые, подвижные, приметливые. Остальное обрастало все новыми нюансами, тенями и деталями рельефа.

Близняшки выросли. Дочери пастуха научились заботиться о себе раньше, чем другие дети. Уже в пять лет они доили овец и вместе ходили в деревню за яйцами для омлета. И хорошо, потому что четыре раза в год Кармин уезжала примерно на две недели. Потом возвращалась в мокрой одежде, но менее уставшая, чем до отъезда. И объясняла Фелисите, что ездила к морю за фруктами из далекого мира — грейпфрутами, гранатами — и за сокровищами.

После одной такой поездки Фелисите получила свой первый чайный сервиз. Там был жемчужно-белый заварочный чайничек, размером не больше детского кулачка, с синими узорами и золотой каемкой, три такие же чашки с блюдцами, молочник и сахарница. Сквозь тонкий фарфор в грозовые ночи можно было разглядеть вспышки молний.

Я вам все это объясняю, но, в сущности, не так уж много об этом знаю.

Передаю все так, как сообщили мне. Или так, как помню, потому что Фелисите рассказывала мне об этом два десятилетия назад, когда после описанных событий прошло уже лет двадцать. Был 2003 год, и я искал беженцев с Мон-Бего, чтобы выслушать их историю.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

